

Когда Цзянь Сэнь ушёл, Янь Цун с улыбкой прикрыл за ним дверь. Выждав, пока в конце коридора хлопнет дверь в комнату брата, он бесшумно повернул ключ в замке.

Очутившись в своём виртуальном пространстве, юноша понял, что сон ушёл окончательно. Смакуя мысли о том, как завтра перевернёт весь дом Цзянь вверх дном, он с воодушевлением принялся окучивать грядки.

Это место неумолимо напоминало ему классический однопользовательский симулятор выживания: здесь были и очки опыта, и уровни, и ворох самых разных характеристик. В системном руководстве пояснялось, что в момент гибели его жажда возмездия оказалась настолько велика, что её волны вошли в резонанс с блуждающей в пустоте системой. Так они и связали свои судьбы. Само же перерождение стало лишь закономерным выбором искусственного разума, откликнувшегося на его безграничную обиду.

Однажды Янь Цун поинтересовался у системы: если бы на пороге смерти его мысли свелись к жалкому «я не достоин жить» или «мне лучше вообще не существовать», случилось бы это чудо? Связала бы его система с собой?

Ответ пришёл незамедлительно:

[Данная система вступает в резонанс исключительно с разумом, стремящимся к новому началу.]

Выходит, опусти он тогда руки — и никакой системы бы не было.

Функционал системы предлагал два пути: перерождение или переселение в иной мир. Янь Цун пошёл по первому пути, и теперь все доступные ресурсы были направлены на то, чтобы он смог максимально эффективно воспользоваться своим вторым шансом.

Семья Янь — его настоящие, биологические родители — сделала состояние на ресторанном бизнесе. Их империя охватывала всё: от изысканных заведений и консервных заводов до собственных сельскохозяйственных угодий. Называть их богатейшими людьми провинции было бы преувеличением, но в масштабах страны их бренд гремел на весь общепит. К тому же предки Янь когда-то служили императорскими поварами. И пускай в своё время прапрадед безвозмездно передал фамильные кулинарные книги государству, секреты мастерства никуда не делись — они бережно передавались из поколения в поколение, обрастая авторскими доработками потомков.

В прошлой жизни Янь Сян оказался напрочь лишён кулинарного таланта. Впрочем, разочарование старших его нимало не трогало. Поначалу, ещё не зная о подмене, он рос изнеженным барчуком, единственным наследником в двух поколениях. Жизнь в роскоши притупила в нём всякое стремление к труду: зачем учиться готовить, если бизнесом рулят наёмные управляющие, а от него самого требуется лишь проверять отчёты? Да и фамильные рецепты, рассуждал он, давно оцифрованы госдепартаментом — свет на них клином не сошёлся. Когда же правда вскрылась и он в панике попытался наверстать упущенное, у него не

хватило ни терпения, ни элементарных способностей.

Сам же Янь Цун, напротив, с малых лет тянулся к плите. К тому же И Сыцзя намеренно поощряла это увлечение, благодаря чему он стал великолепным кулинаром. Именно это мастерство в прошлой жизни помогло ему снискать расположение госпожи Янь, когда он устроился к ним на работу. Естественно, у И Сыцзя имелся свой корыстный расчёт: обучая приёмного сына кулинарному искусству, она надеялась облегчить ему путь в высшее общество и выгодно пристроить его в богатый дом. Семья Цзянь едва сводила концы с концами на обычную зарплату, и без хитрых уловок «пробиться в элиту» им было не под силу.

Тогда наивный юноша принимал заботу мачехи за чистую монету. Теперь же, прекрасно зная, какими гнилыми были её помыслы, он понимал: полагаться нужно только на себя. К счастью, в его распоряжении оказалась система со своим пространством. Здесь он мог с нуля освоить весь цикл — от селекции растений и животноводства до тонкостей разделки и высокой кухни. Система требовала от него овладеть даже теми ремёслами, что на первый взгляд никак не вязались с кулинарией: горным делом, плотницким мастерством, резьбой по дереву и строительством. Искусственный разум уверял, что это необходимо для укрепления тела и развития базовых характеристик, а раз так — Янь Цун послушно принимался за работу, не видя в этом обузы.

Проведя ночь на жёсткой циновке в виртуальном мире, Янь Цун выпался на удивление быстро. Сон здесь восстанавливал силы в разы эффективнее, поэтому двух часов отдыха ему хватило, чтобы проснуться бодрым и полным сил. Любопытно, что мозоли, натёртые за время работы на грядках, стоило ему вернуться в реальность, бесследно исчезли — ладони вновь стали мягкими и гладкими.

Проснувшись, И Сыцзя обнаружила приёмного сына у плиты. Женщина невольно залюбовалась им, чувствуя укол самодовольной гордости: пускай в мальчишке не течёт её кровь, воспитала она его безупречно. Когда семья Янь наконец узнает правду, им останется лишь поклониться ей в ноги за то, какого послушного и хозяйственного наследника она для них вырастила.

— Эрбао, почему ты не в постели? — заворковала она, проходя на кухню. — Медсестра ведь строго-настрого велела тебе отдыхать и набираться сил!

Янь Цун обернулся с кроткой улыбкой:

— Мама, я уже совсем здоров. К тому же папа сегодня дома, мне так хотелось порадовать его домашним завтраком! И про тебя я не забыл — приготовил твои любимые весенние рулетики. А для брата — жареную свинину с острым перцем.

И Сыцзя приподняла глубокую тарелку, которой были прикрыты готовые блюда. Аромат свежей еды мгновенно заполнил кухню. На плите тихо булькала наваристая мясная каша, а в глубокой сковороде томилось тофу, фаршированное мясом — фирменное блюдо покойной матери Цзянь Наня, рецепт которого каким-то чудом перенял приёмный сын.

— Боже мой, — всплеснула руками И Сыцзя, — во сколько же ты встал?

— Около половины пятого, — ответил Янь Цун. — Сон совсем не шёл, я ведь в больнице только и делал, что отсыпался. Мам, можно мне сегодня ненадолго выйти на улицу? Я не уйду далеко, просто посижу на лавочке у подъезда.

И Сыцзя благосклонно кивнула:

— Хорошо, только не сиди на самом пекле. Вчера обещали тридцать пять градусов жары. Посидишь немного в тенёчке после завтрака, и сразу домой. А вечером, когда спадёт зной, мы с отцом поведём вас с братом в кино на «Робота в действии» — ты ведь так хотел его посмотреть.

— Ура! Мамочка, ты у меня лучшая! — восторженно воскликнул мальчик.

Завтрак прошёл в исключительно тёплой атмосфере. Каждый нашёл на столе своё любимое блюдо, и все наперебой хвалили Янь Цуна за заботу и кулинарный талант. Вот только ни один из членов семьи не заметил, что сам Янь Цун остался без любимых лакомств. Да и откуда им было знать его вкусы? Никто в этом доме никогда ими не интересовался.

От этой мысли на душе у юноши стало горько и в то же время смешно.

" «Любящая и дружная семья»? Какая же это дешёвая, лицемерная фальшь."

В своей прошлой жизни Янь Цун погиб в возрасте тридцати пяти лет. С тех пор минуло больше двух десятилетий, и школьную программу он, разумеется, позабыл начисто. Однако стоило ему открыть учебники за первый класс средней школы и пробежаться глазами по летним заданиям, как старые знания начали постепенно всплывать в памяти. Формулы и правила стёрлись, но жизненный опыт и логика позволяли без труда находить верные ответы. В итоге с домашней работой на каникулы он управился всего за три дня после выписки.

После завтрака Янь Цун, прихватив блокнот в твёрдом переплёте, устроился на скамейке в тени возле подъезда. Он вежливо здоровался с проходящими мимо соседями, чьи имена ещё помнил, и дружелюбно кивал тем, кого забыл начисто, но кто заговаривал с ним сам. Постепенно стёртые временем лица и имена складывались в единую мозаику воспоминаний. Разумеется, далеко не каждый житель квартала заслуживал его внимания, но с некоторыми стоило поддерживать хорошие отношения.

Именно сегодня судьба свела его с тем самым юношей по фамилии Бай, который вытащил его из воды. Причём тот заговорил первым.

— Младший из семьи Цзянь? Ты уже поправился? Тебе разве можно выходить? — завидев мальчика, Бай Цзиньчэн поспешил к лавочке.

Трус Цзянь Сэнь, который сначала силой затащил младшего брата в воду, а заметив, что тот тонет, сбежал в панике, вызывал у него глубочайшее отвращение. Но к самому пострадавшему Цзиньчэн относился с искренним сочувствием.

Янь Цун совершенно не помнил этого человека и поначалу растерялся. И пускай в душе он теперь лелеял самые жестокие планы мести, многолетняя привычка быть мягким и вежливым с окружающими взяла верх.

— Мне гораздо лучше, спасибо, — вежливо ответил он. — Прости, пожалуйста, а как мне тебя называть?

Бай Цзиньчэн на секунду лишился дара речи. Он и подумать не мог, что спасённый им мальчик до сих пор ни о чём не знает. Парень смущённо поскрёб затылок — хвастаться собственным благородством было неловко. Но Цзянь Цун смотрел на него такими огромными, невинными и слегка растерянными глазами, что Цзиньчэну до смерти захотелось признаться, что это именно он вытащил его со дна, на собственной спине дотащил до больницы и даже сделал искусственное дыхание «рот в рот». При воспоминании об этом щёки его предательски вспыхнули. К счастью, летний загар надёжно скрыл краску смущения.

— Я... это я вытащил тебя на берег в тот день, — выдавил он.

Янь Цун тут же вскочил со скамьи:

— Так ты — брат Бай?! Медсестра в палате рассказывала, что меня спас какой-то парень, но не назвала ни имени, ни как ты выглядишь. Спасибо тебе огромное! Если бы не ты, меня бы уже не было в живых! — С этими словами он низко, почтительно поклонился своему спасителю.

В этот момент мимо проходила одна из местных старушек. Увидев столь церемонный поклон и услышав обрывки разговора, она тут же замедлила шаг и из любопытства влезла в беседу. Бай Цзиньчэн, не любивший секретов, вкратце описал события того злополучного дня. Юноша был достаточно умен, чтобы не обвинять Цзянь Сэня напрямую в том, что тот насильно тащил брата на глубину, и умалчивать о его позорном бегстве. Однако любая недосказанность лишь разжигает фантазию. А проходящая мимо пожилая дама как раз состояла на почётной службе в неофициальном «отряде сарафанного радио» их двора. Янь Цун мысленно усмехнулся: он был абсолютно уверен, что уже к вечеру эти крупницы информации, пройдя через жернова старушечьих сплетен, превратятся в жуткий триллер, где Цзянь Сэнь предстанет хладнокровным убийцей, пытавшимся утопить брата ради сокрытия какой-нибудь страшной тайны.

Бай Цзиньчэн присел рядом. Чтобы потянуть время, Янь Цун с невинным видом открыл тетрадь и попросил помочь с парой сложных задач. Парень принялся терпеливо объяснять материал. Поскольку младший едва доставал ему до плеча, Цзиньчэну приходилось низко наклонять голову. С этого ракурса ему были отлично видны длинные ресницы мальчика и его тонкая, неестественно бледная шея. «Какой же он хрупкий, — подумал Цзиньчэн, — бледный, будто из воска».

Закончив с разбором задач, он залез в свой рюкзак, где лежала только что забранная с почты посылка, и вытащил оттуда плитку импортного шоколада и пачку сухого прессованного молока. Всё это он решительно всунул в руки Цзянь Цуна.

— Ты ещё слаб после больницы, а на улице духота. Возвращайся-ка лучше домой, — наставительно произнёс Цзиньчэн. — Не знаю, любишь ли ты сладкое, но возьми, это от чистого сердца. А вот здесь я записал свой домашний номер. Будут проблемы — сразу звони. Но учти: с твоим старшим братцем я знаться не желаю, так что номер ему не давай. Это только для тебя.

Глядя на гору сладостей в своих руках, Янь Цун на миг растерялся. В груди разлилось непривычное, щемящее тепло. Впервые в жизни кто-то проявил к нему искреннюю, бескорыстную заботу.

В прошлом воплощении его приёмные родители ещё до его рождения соткали паутину лжи. Их напускная доброта всегда преследовала выгоду. А человек, ставший его мужем, нагло присвоил его судьбу, годами осыпал фальшивыми признаниями, а когда Янь Цун потерял всякую ценность, завёл интрижку на стороне и хладнокровно спланировал его убийство. Более того, эти чудовища лишили жизни и его настоящих родителей, и тех, кто его воспитал. Ни одна живая душа не относилась к нему хорошо просто так, без задней мысли. А ведь этот парень спас его и тогда...

"Как глупо, — пронеслось в голове. — Почему в той, прошлой жизни я даже не попытался его отыскать?"

подавив вздох, он нерешительно произнёс:

— Но мама не разрешает мне брать вещи у незнакомцев...

Бай Цзиньчэн шутливо нахмурился:

— Разве я для тебя чужой? Я, вообще-то, твой спаситель!

Янь Цун искренне, по-детски лучезарно улыбнулся:

— Твоя правда! Брат Бай — мой спаситель, а значит, теперь ты для меня такой же близкий человек, как родители. Никакой ты не чужой!

Цзиньчэн снова густо покраснел.

— Вот и договорились. Забирай гостинцы и беги домой, пока солнце не припекло.

Янь Цун послушно кивнул:

— Хорошо. И... с днём рождения тебя, брат Бай!

Парень опешил:

— Какой ещё день рождения? У меня сегодня нет никакого праздника.

Янь Цун картинно захлопал ресницами, изображая крайнее удивление:

— Ой... Правда? Но брат Сэнь ушёл из дома со словами, что идёт праздновать твой день рождения. Он ещё хвастался, что приготовил для тебя отличный подарок.

Цзиньчэн мгновенно сообразил, что этот скользкий придурок Цзянь Сэнь снова нагло врёт. Лицо его потемнело от злости:

— Не слушай ты этого брехливого кретина! Я родился первого января, посреди зимы, какой ещё летний день рождения?! Да мы с ним сто лет не разговариваем, с какой стати ему меня поздравлять? Постой... Он что, выманил у тебя деньги под этим предлогом?

Янь Цун виновато опустил голову и тихо пробормотал:

— Ну... можно и так сказать...

— Значит, обобрал-таки! Ну и мразь, — взорвался Цзиньчэн. — А ты хорош, уши развесил! Нельзя быть таким бесхребетным, с этим паршивцем вообще знаться не стоит! Будь впредь умнее, понял? Твоя жизнь принадлежит мне, я тебя с того света вытащил, так что изволь слушаться!

Янь Цун с трудом сдержал смехок, но послушно закивал:

— Угу, я всё понял. Постараюсь... стать чуточку твёрже.

Бай Цзиньчэн скептически окинул его взглядом, понимая, что характер в одночасье не переделаешь, но развивать тему не стал.

— Ладно, если что — звони. А теперь беги домой. Пойду-ка я разузнаю, что за «день рождения» устроил этот подлец за мой счёт!